

Д. БИЛЕНКИН

ПРОВЕРКА НА РАЗУМНОСТЬ

Научно-фантастический рассказ

Питер все медлил, хотя следовало, не колеблясь, войти, разбудить Эва, если тот спал, и сознаться, что ему, инженеру-звездолетчику первого класса Питеру Глебски, померещился призрак.

Это произошло в одном из тех дальних отсеков, где нудная вибрация напоминала о близости аннигиляторов пространства-времени. Рядом была заперта сила, которая могла разнести небольшую планету, и сознание вопреки всему настораживалось в этих металлических, тесных, скупо освещенных и наполненных дрожью переходах.

Питер чувствовал себя, впрочем, как обычно. Вероятно, он даже удивился бы, узнав, что в нем, хозяине, всей этой чудовищной машины, дремлет то самое беспокойство, которое ис-

пытывал его далекий предок, когда мощь природы выдавала себя бликом зарниц или грозным запахом хищника на тропе.

Он уже заканчивал обход, когда его приковал к месту тихий, невозможный здесь звук покашливания.

Он обернулся.

Никого, ничего... Пустой коридор, тусклая эмаль стен, змеистые тени кабелей и труб. И явственное, как прикосновение паутины к лицу, ощущение чужого взгляда.

— Олег, это ты?! — напряженно крикнул Питер.

Коридор молчал. Питер был один, совершенно один в чреве мерно работающей машины.

Мгновение спустя Питер осознал нелепость, даже постыдность своей позы и решительно шагнул к месту, откуда раздался звук, передвигая поближе сумку с тестерами и тем самым как бы давая знать всему и всем, что готов немедля устранить любую кашляющую, чихающую или хихикающую неисправность.

Не сделал он, однако, и двух шагов, как от стены наискось метнулось нечто столь бесформенное и стремительное, что память запечатлела лишь рванувшийся клуб черного дыма, который, исчезая за углом, блеснул откуда-то изнутри двумя кроваво-красными зрачками.

Когда ослабевшие ноги вынесли Питера на площадку, куда скрылось «нечто», то по обе стороны от нее не было ничего, кроме зеркально повторяющих друг друга, наполненных дрожью коридоров. Задыхаясь, Питер пробежал в оба конца, оглянувшись, и расстояние, отделяющее его от жилых помещений звездолета, впервые показалось ему пугающе-огромным.

Случай был, конечно, предельно ясен. Бывало и раньше, что нагрузка долгого полета сказывалась на нервах звездолетчиков, хотя, насколько Питер мог припомнить, призраки еще никогда никому не мерещились.

Тем хуже его положение. О происшедшем он обязан доложить врачу, то есть старине Эву, а что последует затем, нетрудно представить.

Ему чуть не до слез стало жаль себя. Это несправедливо, несправедливо, несправедливо! Почему с ним? Как это вообще могло случиться, ведь он чувствовал себя не хуже обычного!

— Эв, ты спишь? — негромко спросил он перед закрытой дверью.

Праздный вопрос. Разумеется, в этот поздний час корабельной ночи главный врач и биолог экспедиции отсыпался после

трудных дней работы на Биссере. И есть ли такая нужда будить его сию секунду?

Питер погладил подбородок. Он обязан предстать перед врачом, верно. Но есть разница — предстать сейчас или немного позже. Вряд ли его реакции сейчас в норме. Вот если он отдохнет, отоспится, тогда, быть может...

Решено. Твердым шагом Питер Глебски прошел в свою каюту, разделся и лег. В каюте было тихо. Здесь ничто не напоминало о той скорости, с которой звездолет, торопясь к Земле, проламывал пространство.

Звездолет, на борту которого человеку явился призрак, чего, конечно, реально быть не могло.

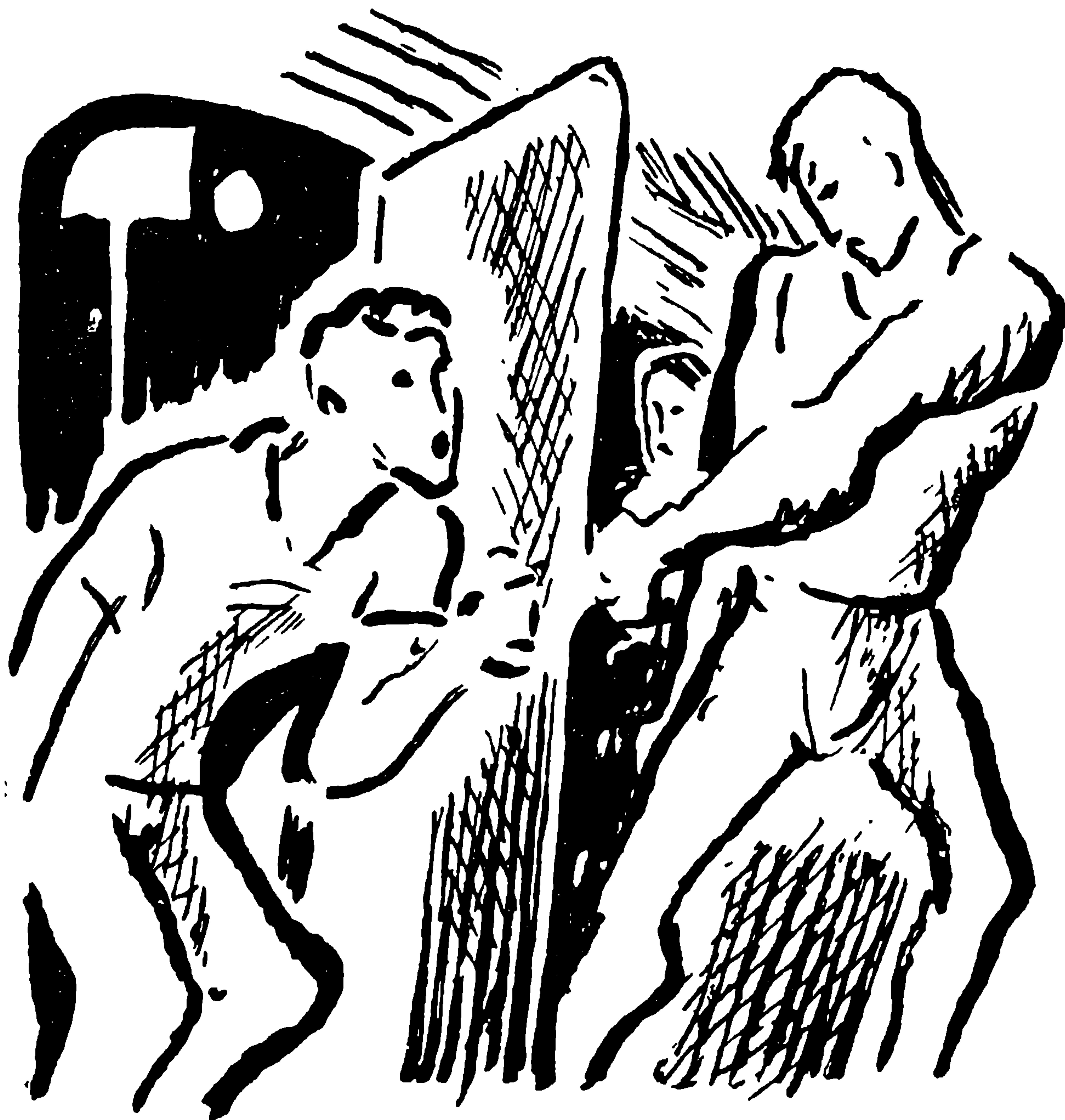
Несколько минут спустя Питер уснул. У него, как и полагается звездолетчику, были крепкие нервы.

Но спал он дурно. Там, на Земле, где он очутился, он лежал в гамаке, который тотчас оказался паутиной, и сердце захолонуло, потому что паука нигде не было, но он должен был появиться. Питер знал, что он рядом, ибо чувствовал прикосновение мохнатых лап, а шевельнуться не было возможности, и, что самое страшное, паук был невидим. Потом, все еще лежа в паутине, Питер смотрел в микроскоп; и это, как он понимал, был его последний шанс не провалиться на экзамене, от которого зависело все. Микроскоп, однако, вместо паука показывал усики Эва, рыжие, нахальные усики; и Питер в отчаянии думал, что не окончательный же это экзамен, хотя отлично понимал во сне, что окончательный. Страшным усилием он отшвырнул негодный микроскоп, чтобы взять новый; тот упал, покатился, как шар, и шар этот блеснул, расширяясь, ледяным пламенем, отчего сердце Питера оборвалось, ибо это был уже не шар, а сгусток нейтронной звезды. «Вот, значит, как возникают галактики...» — мелькнуло в парализованном ужасом мозгу.

Какой-то шум вернул Питера к действительности. Питер вскочил, прислушиваясь. Глухой стук и, похоже, невнятные крики где-то рядом, чуть ли не в туалете, который был по соседству. Еще не совсем очнувшись, Питер выскочил в коридор. Так и есть: кто-то изнутри с проклятиями барабанил в запертую дверь туалета, что само по себе было странно!

Питер рванул дверь, и оттуда, как кот из мешка, вылетел Олег.

— Это чьи еще шуточки? — рявкнул он, не давая Питеру

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

опомниться. — Тоже мне развлечение, юмор на уровне амебы, остроты пещерных сортиров!

— Разве они тогда были? — в замешательстве спросил Питер.

Вопрос был столь нелеп, что оба замерли и с недоумением уставились друг на друга.

— Дадут, наконец, людям поспать? — услышался недовольный голос, и в коридор, моргая и щурясь, просунулась голова Эва. — Что за суета и суматоха?

Он обвел взглядом полуодетых космонавтов.

— Да вот, Олега тут заперли, — пробормотал Питер.

— А! — сказал Эв. — В реакторе еще никого не спалили? Самое время, по-моему.

— Факт тот, что дверь запирали с хихиканьем, — буркнул Олег. — Хотел бы я знать...

— Великий секрет загадочной тайны, — кивнул Эв. — Звездолет у нас или что?

— Это мог сделать неисправный кибер-уборщик, — сказал Питер.

— Ага! — глаза Эва блеснули. — Окутанный галактическим мраком уютно зловеще подкрадывался к шлепанцам спящего космонавта... Кстати, Питер, что ты сделал со своими шлепанцами?

— С чем?

Все смотрели на ноги Питера. На его дырявые, испещренные пурпурными пятнами ночные туфли.

— Край света, — вздохнул Олег. — Полным-полно шутников.

— Правда, Питер, чем это ты их?

— Эв... — голос Питера дрогнул. — Мне надо поговорить с тобой, Эв...

— Ерунда! — Эв отшвырнул ленту миограммы. Она зацепилась за переключатель и повисла, раскачиваясь. — Какой призрак? Диагност уверяет, что ты здоров, и я с этим сундуком согласен.

— Уверяю тебя...

— Сильное нервное возбуждение, и не более того. Все базисные реакции...

— А туфли?

— Что — туфли? При чем здесь туфли? Ну прожег ты их чем-нибудь...

— Чем?..

— Компотом! — заорал Эв. — Щами! Чего ты добиваешься? Полным-полно шутников, как выразился Олег. И все острят. Будят среди ночи... Тени убиенных, хихикая, запирают у них, видите ли, двери... Сейчас я дам тебе такую дозу успокоительного, такую дозу...

Он потянулся к столу и замер. В дверях стоял Антон Ресми. Стоял и смотрел таким взглядом, что Питеру захотелось немедленно исчезнуть.

— Так... — Капитан шагнул к Эву. — Как к биологу и медику нашей экспедиции, у меня к вам маленький вопрос: мышь способна превратиться, скажем, в четвертое измерение?

— Антон, — глаза Эва округлились. — Неужто и ты записался в шутники?

— В шутники? Я тебя спрашиваю: где звери?

— Звери?

— Да, звери.

- С Биссеры?
- С Биссеры.
- Там, где им положено быть. А что?
- Ничего. Просто их там нет.
- Как... нет?
- Вот я и хотел бы узнать — как.
- Но этого не может быть!
- Верно.
- Антон, этого не может быть!!! Что за глупый розыгрыш! Эв посмотрел на Питера, словно приглашая его разделить возмущение, снова взглянул на капитана — и краска сбежала с его лица.

«Да, — подумал Питер, разглядывая из-за плеча Эва витализационные колпаки, — если кто-нибудь и сошел с ума, то уж, во всяком случае, не я. Это надо же!..»

По всему пространству камеры тянулись маленькие и большие прозрачные саркофаги, в которых автоматы поддерживали среду, необходимую для того, чтобы добытые на Биссере экземпляры находились в живом, но усыпленном состоянии. По крайней мере треть саркофагов была пуста. Не просто, а так сказать, вызывающе пуста, потому что в них зияли внушительных размеров оплавленные дыры.

На пульте, словно в насмешку, горел ряд зеленых огоньков, что означало исправную работу витализационных автоматов. Запоздало и вроде бы обиженно мигали сигналы систем контроля за жизнедеятельностью, которым уже нечего было контролировать.

— Ну и как прикажете это объяснить?

Ответа не последовало. Эв был так бледен, что его рыжеватые усики казались теперь пламенными.

— Не надо волноваться. — Капитан положил руку ему на плечо. — Исчезли, если не ошибаюсь, стеггры, асфеты, троянцы, катуши и эти... как их?..

— Миссандры, — прошептал Эв.

— ...Миссандры. А псевдогады остались. Может, это что-нибудь объясняет?

Эв покачал головой:

— Витализационный уровень усыпления поддерживается во всех герметичных колпаках на среднестатистическом, оптимальном для всей группы уровне. — Он говорил монотонно, как зазубренный урок. — Из этого следует возможность, что для

отдельного индивида данный уровень окажется мал, и существо проснется. Но в этом случае контролирующий автомат немедленно увеличит подачу смеси... Что он и сделал. Ничего не понимаю... Ведь так прожечь колпак можно только искровым разрядом! — воскликнул он.

— Может быть, у кого-нибудь из этих существ... — начал было капитан, но Эв отчаянно замотал головой.

— Я их видел на корабле, — внезапно сказал Питер.

Он доложил о «призраке».

— Очевидно, это был катуш, — проронил задумавшийся Эв.

— Нет, — возразил Питер. — Катуша я знаю. Это был не катуш.

— Неважно, — сказал капитан. — Значит, Эв, никакого объяснения ты дать не можешь?

— Нет.

— Ладно, будем действовать без объяснений. Даю общий сигнал тревоги.

У входа в рубку Эв взял капитана за локоть.

— У меня есть объяснение, — сказал он тихо. — Но я не хотел говорить при Питере.

— Да?

— Капитан, звери сами не могли выбраться. Это исключено. Их выпустили, Антон.

— Ты понимаешь, что говоришь?!

— Именно поэтому я настаиваю на общей проверке состояния всего экипажа.

Капитан вытер выступивший на лбу пот.

— Кого ты подозреваешь? — спросил он глухо.

— Если бы я только что не освидетельствовал Питера, я бы сказал — Питер. Но это не Питер. Я об этом не хочу даже думать, но ведь кто-то запер Олега? И кто-то облил туфли Питера кислотой.

— И тем не менее, — жестко сказал капитан, — разрешения на поголовное обследование я не дам.

— Но...

— Эв, пожар не тушат под возгласы: «Среди нас поджигатель!»

В это время Питер, стоя на своем посту, с недоумением разглядывал запястье левой руки. Только сейчас ему бросилась

в глаза точка, какая бывает после укола в том месте, где под кожей синее вена.

«Чепуха какая-то! Но, может, следует сказать?»

Сначала никто не сомневался, что изловить каких-то глупых зверьков ничего не стоит, но вскоре с этим заблуждением пришлось расстаться. Хозяйство звездолета занимало несколько квадратных километров, и при его конструировании никому в голову не могла прийти мысль, что он может стать полем охоты. Два раза, правда, удалось спугнуть существо, которое немедленно взмыло над преследователями, чтобы скрыться в путанице ярусов, лифтовых клеток и переходов. Поскольку единственным летающим экземпляром фауны Биссеры на корабле был миссандр, то это, очевидно, и был миссандр. Но куда делись остальные?

Предложение настроить кибер-уборщиков на поиск сбежавших было сразу же отвергнуто Эвом — он знал, что обычных роботов нельзя натравить на белковое, следовательно, родственное человеку существо. Биологические же автоматы, с помощью

которых он сам охотился на Биссере, были бесполезны в тесных корабельных пространствах.

Чем больше Эв вдумывался, тем меньше все это ему нравилось. Гипотеза о сумасшедшем, который вскрыл витализационные камеры, была скверным, хотя и правдоподобным допущением. Однако в ней имелся крохотный изъян. Предположим, животных кто-то выпустил. А дальше? Ведь воздух Биссеры мало походил на земной! Как же они им дышат? Но дышат, это же факт.

Своими сомнениями он поделился с капитаном.

— Это как же так? — опешил Ресми. — Ты изучал их и даже не знаешь, чем они могут дышать, а чем нет?

— Ты вправе меня упрекать, Антон. Но кто, как не ты, срезал биологическую программу? Знаю, знаю, экстренный вызов Земли, мы требуемся, — как всегда, сверхсрочно — в противоположном квадрате Галактики. А мне каково? Что я мог сделать за оставшееся время? Это же типичный аврал! Спешим, вечно спешим: сегодня одна звезда, завтра другая, давай-давай, дел невпроворот, оглянуться некогда — а что в результате? Не думай, пожалуйста, что я снимаю с себя ответственность, но...

— Спешим, это верно. Иначе нас, возможно, не было бы среди звезд. Так как они все-таки приспособились?

— Высокая пластичность метаболизма, очевидно. Она у них действительно высокая.

— Хорошо, выяснишь после поимки. Что за идея у тебя насчет ловушек?

Они обсудили новую тактику. Их то и дело перебивали голоса поисковиков. «Капитан, на неведомых дорожках хозяйства Питера отмечены следы невиданных зверей...» Реплику перебил мрачный голос Питера: «Я давно говорил, что нам не хватает кибер-уборщиков. Они не успевают с обеспыливанием». — «Ладно, ладно, — отвечали ему с иронией. — Мы закрываем глаза, а вот кто закроет глаза техкомиссии?» — «Не издевайтесь, ребята, никакая это не пыль, просто сигаретный пепел. Механики тайком покуривали». — «И не механики вовсе, а зверюшки Эва. Раз уж они смогли удрать, то почему бы им на радостях не затянуться?»

Капитан с досадой приглушил звук.

Ему было не по себе. Зверюшки его мало беспокоили — куда они денутся! — но сумасшедший на борту... Требование держаться по двое было встречено недоуменным пожатием плеч — пусть! Хорошо, что никто ни о чем не догадывается.

А вот он прозевал, тут никуда не денешься. Такой промах непростителен, и не пора ли ему подумать о пенсии?

О выходе на пенсию Эв не думал, но в остальном его мысли были схожи.

— Возможно, этот план даст лучшие результаты. — Капитан потрогал эскиз, словно желая убедиться в его реальности. — Объясни техникам, что надо сделать, а я соберу команду.

— Да, неплохо бы позавтракать, — заметил Эв. — Я лично после всех этих передрыг готов съесть жареного миссандра.

Выйдя из рубки, он заметил Питера, который явно ждал его появления.

— Вот, — сказал Питер, показывая тыльную сторону запястья. — Будешь смеяться или нет, но только, честное слово, сам себя я не колол.

Эв взгляделся, и ему стало не по себе...

Завтрак начался смешками, но вскоре они прекратились, так мрачен был капитан. «Чего это он? — шепотом спросил Олег. — Подумаешь, звери разбежались...» — «Да, но теперь над ним будет смеяться вся Галактика», — ответил сосед. «Смеяться, положим, будут над Эвом». — «Всем нам достанется. Слушай, а девушки сегодня что-то уж слишком надушились». — «А, ты тоже заметил?» — «Мертвый не заметит».

Капитан поднял голову.

— Муса!

— Полон внимания, капитан.

— Что у вас там с вентиляцией? Откуда запах?

— Я так понимаю, что наши милые женщины...

Бурный протест заставил его умолкнуть.

— Это и не духи вовсе!

— Уж мы-то, женщины, в этом кое-что смыслим!

— Отставить!

Стало очень тихо.

— Бригада систем воздухообеспечения, немедленно перекрыть...

Капитан не успел закончить, ибо потянуло таким смрадом, что на пол полетели отброшенные стулья, все вскочили, и тут же взвыла сирена.

Эв и Ресми сидели спиной друг к другу, чтобы контролировать все наспех установленные в рубке экраны. Они не снимали маски, хотя смрад исчез так же быстро, как и возник, да и вы-

зван он был весьма пахучим, но в общем безвредным букетом сероводорода, метана и бромистого водорода.

Передачики были установлены на всех магистральных пересечениях, и там же, под потолком, находились примитивные, но достаточно надежные ловушки. Оставалось сидеть и ждать, пока в поле зрения не очутится кто-нибудь из беглецов.

Минуты шли за минутами, и ничего не происходило. Селектор молчал — людям теперь было не до шуточек. Сжимая оружие за плотно задраенными дверями, они охраняли жизненно важные центры корабля и ждали... Никто не мог сказать ничего.

— Наконец-то!

Эв поспешно нажал кнопку.

Возникшее на экране существо замерло, будто почуяв неладное. Поздно. Мгновение — и оно уже билось в гибких силиконовых сетях.

— Попался! — радостно воскликнул капитан.

— Угу, — отозвался Эв. — Хотел бы я знать, кто...

— Как это? Это же асфет.

— Крылатый асфет.

— Крылатый?!

Да, у бившегося в сетях существа были крылья. Как у миссандра. И шесть конечностей. Как у асфета. И трубчатый голый хвост, какого вообще ни у кого не было.

— Эв, — в голосе капитана была мольба. — Ты же биолог, Эв, ты же ловил их. Объясни хоть что-нибудь!

Лицо Эва было мертвенным.

— Эв! — Капитан потряс его за плечо.

— Смотри...

Существо затихло. Темным клубком оно лежало на полу, и лишь его трубчатый хвост слабо шевелился. Нет, не шевелился. У капитана отвисла челюсть. Конец хвоста медленно, но неуклонно раздваивался. Хвост превращался в некое подобие ножниц, и лезвия этих странных ножниц явственно заострялись. Вот они захватили пару силиконовых петель... — сомкнулись...

«Но это же силикет», — отрешенно подумал капитан.

Хвост выпустил петли — они ему не поддались. Теперь менялся его цвет — с коричневого на серо-стальной. Он снова раскрылся — было заметно, что его «лезвия» укоротились, — захватил обвисшую складку сети. Люди содрогнулись, услышав хруст силикета. Еще несколько взмахов гибкого, раздвоенного, лязгающего хвоста — существо стряхнуло с себя обрывки сети, и экран опустел.

— Ну, — Эв повернулся к капитану, — бей меня, я заслужил. Какой же я идиот!..

— Ты... ты что-нибудь понял?

— Да все же ясно! — плачущим голосом воскликнул Эв. — Они перекраивают свое тело!

— Это я видел. То есть мы оба это наблюдали. Оно конечно... Провалиться мне, если я что-то понял!

— Слушай, — быстро заговорил Эв. — Нет никаких асфетов, миссандров и всех прочих. Это все одно и то же. Совсем другой тип эволюции. Где были мои глаза раньше!.. Это же грандиозно!

— Но выше моего разума, — сухо сказал капитан. — Надо что-то делать.

— Надо понять, и ты поймешь. Сядь. На Земле волк — всегда волк, куропатка — всегда куропатка, амеба — всегда амеба. Но тела их, в общем, состоят из одинаковых клеток, биохимия у них тоже сходная. Они часть единого целого. Как графин, стакан, зеркало...

— «Зеркало»? — машинально переспросил капитан.

— Ну да, все это стекло. Земная эволюция расщепила единое биологическое вещество на тысячи, миллионы независимых, непревращаемых друг в друга форм. А здесь эти формы ПРЕВРАЩАЕМЫ. Слон на Биссере может превратиться в кита или стадо кроликов, потому что ВСЕ ЭТО ОДНО И ТО ЖЕ. Организм, как угодно и во что угодно перестраивающий свое тело. По приказу нервных клеток.

— По приказу?

— Вот-вот! На Земле биологическому веществу ту или иную форму придают внешние условия, заставляя вид меняться. Здесь, мы видели, это происходит почти мгновенно и целенаправленно. И это все объясняет! Пробудился один-единственный организм. Пробудился и вырастил — другого слова не подберу — противогаз. Вырастил — как мы берем нужный инструмент, — какое-то орудие для взлома камеры. И освободил остальных.

— Значит, никакого сумасшедшего не было? — Капитан вздохнул с облегчением.

— Подожди радоваться. Вывод может быть только один.

— Ты уверен? Может быть, все-таки природа...

— А почему? Так быстро и так сознательно? Антон, давай смотреть правде в глаза. Возможно, это разум.

— Разум? — Капитан взглянул на свои сжатые кулаки. — Не укладывается в голове. Мы не могли так чудовищно ошибиться.

— Могли, Антон, могли. Быстрее, быстрее, потом разберемся, бродят одни животные, дело ясное, чего мешкать? Это я так действовал, Антон. А автоматы опомниться жертвам не дают. Пикирующий прыжок, доза универсального снотворного — готовы, голубчики!

— Но на Биссере нет никаких признаков цивилизации!

— Верно, там нет ни городов, ни машин, ни дорог. А зачем они существам, которые могут превращать свое тело в машины, приборы, материалы, как только в этом есть нужда?

— Невозможно, Эв! Живое вещество не способно дать развитой цивилизации все, что ей необходимо.

— Да? Будто реактивных двигателей, лекарств, радиолокаторов, энергобатарей не было в природе до того, как их создали мы! А ты представляешь, на что способно живое вещество, которым управляет разум? Эта нелепая, невозможная, абсурдная, с нашей точки зрения, цивилизация, возможно, более совершенна, чем наша. Я, по крайней мере, не смог бы выбраться из-под колпака, да и ты тоже. Не потому, что я глупее, а потому, что без машин, инструментов, приборов я ничто. А у них все это всегда с собой. Между прочим: они исследовали Питера, пока тот спал. Между прочим: они могли отравить нас, пока мы не принимали их всерьез. Что качаешь головой? Гипотеза «сумасшедший на корабле» кажется теперь заманчивой?

— Готов ее предпочесть тому, что ты сказал. Их действия на корабле, к счастью, не выглядят разумными.

— Наши действия тоже были далеки от мудрости.

— Межпланетная война на звездолете, этого еще нам не хватало! Сейчас мы проверим, разумны они или нет.

Однако проверка ничего не дала. Напрасными оказались все взлелеянные теорией, казалось бы, изощренные способы завязывания контактов; их стопроцентная кабинетная надежность испустила дух в безмолвных пространствах корабля. Напряжение сгустилось. Не понимают или не хотят понять? Что означают все их поступки? Встреча Питера с «призраком», допустим, была случайной. Но так ли случайно кто-то проник к нему, когда он спал? Для чего? Чтобы взять кровь на анализ? Или проверить съедобность человека? А туфли, при чем здесь туфли? И запертая дверь? Одно нелепей другого!

Почему они затаились?

На корабле стояла тишина, какой еще никогда не было. Ни шороха шагов, ни звука голоса, молчание «ничейного пространства», которое вот-вот взорвется грохотом боя. Томительно и нервно тянулось время, а с ним уходила надежда на мирный исход.

К вечеру наступил перелом. Экраны, посредством которых капитан и биолог продолжали вести наблюдения, один за другим подернулись рябью. Один за другим они стали меркнуть, как задутые ветром свечи.

Так наступил момент, которого все ждали и все боялись.

Обхватив голову руками, капитан не мигая смотрел на потемневшие экраны.

Он знал, какого приказа от него ждут. Приказа двинуться с дезинтеграторами живой материи, чтобы размазать по стенам тех, кто скрывается. Пока не поздно. Пока есть время упредить атаку. Пока есть время... А может, его уже нет?

Но так же твердо капитан знал, что ни Земля, ни его собственный экипаж, ни он сам не простят бойни, если в словах Эва окажется хоть доля правды. Потом, когда все будет кончено, когда пугающая неизвестность будет растоптана, люди опомнятся. Страх забудется, его сменят сожаление и горечь, так как вместе с этими существами погибнет их уверенность в том, что они способны понять все, с чем столкнулись. Та уверенность, которая до сих пор оправдывалась и вела человека по звездным мирам.

И капитан почувствовал ярость, ярость прижатого к стене человека, ярость, которая готова была обратиться на Эва, на

всех теоретиков, которые должны были найти выход и не нашли. Он подавил ее усилием воли и потянулся к селектору общей связи.

— Подожди! — вскричал Эв. — Я знаю!

— Быстрее говори.

— Надо выпустить остальных животных.

— Что?

— Слушай. Они начали партию, так?

— Ну?

— Чем мы ответили на их действия? Облавой. В ответ они заставили нас зажать нос. Что сделали мы? Расставили ловушки. Что сделали они?

— К чему ты клонишь?

— К тому, что каждый наш шаг был для них прямой и грозной опасностью. Каждый их ответный поступок был скорее демонстрацией угрозы. Наш враг — не исчадь ада, таким сделали его наше непонимание и наш испуг.

— Хотел бы я, чтобы это не были домыслы.

— Это не домыслы. Неверны были исходные посылки стратегии контактов, и все равно взаимопонимание возможно. Мы пытались объясниться с ними на уровне умственных абстракций, научных понятий да еще в ситуации, когда, с их точки зрения, мы — исчадь ада. Нужно обращаться к корню, к самому корню! Он есть, общий для всех существ. Зло для любой формы жизни все то, что мешает, вредит, угрожает ее существованию; добро — все, что ей благоприятствует. Так везде, под всеми солнцами, это очевидно, как дважды два, ибо в противном случае, перепутав знаки плюс и минус, жизнь обрекает себя на гибель. Ни одна цивилизация не может безнаказанно менять критерии «хорошо» и «плохо». Поэтому у нас есть шанс, ненадежный, слабенький, но им надо воспользоваться. Теперь решай.

Капитан задумался.

— Ты сам пойдешь? — В его голосе не было уверенности.

— Да.

— Ты можешь не вернуться.

— Я первый заварил эту кашу.

Мышцы затылка одеревенели от напряжения, но Эв не обращивался. Он все время ощущал на себе взгляд, даже там, где на много метров не могло укрыться существо крупнее мыши.

Всю силу своей воли он тратил на то, чтобы идти неторопливо. Он шел знакомыми переходами, которые казались теперь чужими и бесконечными. Собственно говоря, не шел, а балансировал на хрупком мосту надежд и недоказанных предположений, который мог рухнуть в любую секунду. Что ж, не он первый таким образом проверял прочность своих теорий.

Возле третьего или четвертого перекрестка он вынужден был остановиться, потому что в стене зияло сквозное отверстие. Так вот, значит, как они обходили ловушки! При мысли о том, сколько и каких коммуникаций находится в этих стенах, Эв содрогнулся. На полу лежала груды металлической пыли. Эв поднялся на цыпочки и заглянул внутрь отверстия. То, что он увидел, могло напугать кого угодно. Ни одна коммуникация не была повреждена, но все они были аккуратно обнажены, как сосуды на операционном поле. «Мы-то думали, что в любую секунду можем прихлопнуть их, как мух... Но почему, почему они разрешили мне это увидеть?»

«Потому что это ничего не меняет, — сам себе ответил Эв. — Потому что первая же наша попытка заделать отверстие будет парализована — они перережут гомеостатические цепи и двигатель...»

Об этом лучше не думать.

Он засек еще два отверстия, прежде чем показалась массивная дверь витализационных камер. Он откатил ее и, не медля ни секунды, приступил к оживлению псевдогадов. Пока он манипулировал с аппаратурой, ему все время казалось, что дверь, которую он оставил открытой, вот-вот задвинется.

И когда он все закончил, когда животные скользнули в темные углы, забились там, ему захотелось прислониться к стене и закрыть глаза.

Но ему надо было еще кое-что сделать. Снять ловушки. Последний дружеский жест... Не воспримут ли они его как капитуляцию?

Эв оглянулся на выпущенных им существ. Какая-то тварь сопела за колпаком, но остальные сидели тихо, будто их не было вовсе. Бедные, парализованные страхом низшие существа чужой планеты. А каково было высшим, разумным? Что-то чудовищное обрушилось на них там, где они чувствовали себя в полной безопасности, занимались своими делами и не предвидели никакой беды, — разве что в последний миг их поразила падающая с неба тень. Затем ужас, мрак и пробуждение неизвестно где, в чужом и враждебном мире.

«Конечно, их первые действия были нелепы, — подумал Эв. — Комичный пролог драмы... Впрочем, кто их знает! Может быть, их поступки нелепы лишь с нашей точки зрения. Рассудок они, во всяком случае, сохранили — значит, не все потеряно. Для них... И для нас».

Он тут же одернул себя. Нет никаких доказательств, что они правильно истолковали его поступок.

Никаких? Но ведь он до сих пор жив! Хватило бы у него самого выдержки в точно такой же ситуации или он бы поддался соблазну покончить с врагом, коль скоро он сам идет в руки?

Цивилизация, диаметрально противоположная нашей. Обращенная внутрь себя цивилизация. Наглухо закрытый для нас мир, ибо мы не понимаем, как можно создавать все, что надо, из собственного тела, а им, видимо, невдомек, как можно жить иначе.

Да, чего-чего, а стандарта вселенная лишена.

Осталось семь неубранных ловушек. Пять. Две. Ни одной.

Эв возвращался обессиленный. Все так же сопровождаемый взглядом невидимых глаз. Ничего не изменилось.

Нет, изменилось. Отверстия, мимо которых он шел, зияли,

как прежде. Все, кроме последнего. Оно было заделано так аккуратно, что место, где оно находилось, выдавал лишь свежий блеск металла.

Описывая в пространстве чудовищную дугу, звездолет поворачивал к Биссере.

— Больше неприятностей не будет? — с надеждой спросил капитан.

— Не стоит заранее обольщаться, — ответил Эв. — Хорошее отношение способна понять даже гадюка. Но если бы мы очутились в их корабле, то мы бы сочли, что он устроен по принципу наших звездолетов. Нам вряд ли пришла в голову мысль, что это не корабль, а, скажем, чрево живого существа. Думаю, им не легче. Но поступки красноречивей слов, а действия друга друга мы, кажется, начали понимать. Все обойдется, Антон.

Действительно, все обошлось, хотя неприятностей было столько, что, когда люки, наконец, распахнулись, капитан вздохнул с таким облегчением, будто с плеч свалился по меньшей мере Эльбрус.

— Чего они медлят? — Нетерпение его дошло до точки, когда миновало более часа, а из люка никто не появился. — Не могут же они не чують ветра родины?

Эв пожал плечами.

Но они появились. Они мячиками скатились по аппарели

и тут же взмыли в зеленое ласковое небо Биссеры. Оно приняло их, но пробыли они в нем недолго.

— Чистые жеребята, — сказал капитан, глядя в бинокль на прыгающие по холмам живые шары.

— Кажется, я сообразил, почему они задержались, — заметил Эв. — Спустимся. Я буду очень разочарован, если моя догадка не оправдается.

— Вот, — он погладил металл, который свежо блестел там, где перед посадкой зияли дыры. — Они задержались, чтобы исправить свою ошибку, когда поняли, что мы исправили свою. Разум, он все-таки везде разум; без понимания других ему трудно уцелеть, не так ли?

